

19 декабря 2012 года в г. Москве, в Президент-отеле по инициативе Президентского центра Б.Н. Ельцина состоялась международная конференция «Актуальные проблемы реализации Конституции Российской Федерации: нужно ли пересматривать основной закон страны?».

Вел конференцию **С.Н. Станских** — руководитель Центра конституционной истории, участник Конституционного клуба.

Основными докладчиками были: **О.Г. Румянцев**, президент Фонда конституционных реформ, в 1990–1993 гг. — ответственный секретарь Конституционной комиссии («Конституция Российской Федерации: потенциалы развития»); **И.Н. Барциц**, декан Международного института государственной службы и управления РАНХиГС («Конституционная стабильность как условие конституционных реформ»); **В.Л. Шейнис**, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН («Конституция: что надо и что не надо менять»); **Т.Г. Морщакова**, судья Конституционного суда РФ в отставке («Пути развития конституционализма в России»); **А.Г. Быстрицкий**, председатель государственной радиовещательной компании «Голос России» («Российский основной закон в восприятии иностранцев. Изменения vs стабильность»); **Ю.М. Батури**н, директор Института истории естествознания и техники РАН («Конституция как задача управления»); **Л.С. Мамут**, главный научный сотрудник Института государства и права РАН («Конституция 12 декабря 1993 года — программа новой России»); **Г.Э. Бурбулис**, президент центра «Стратегия», основатель школы политософии «Достоинство» («Политософия конституционного консенсуса: цели и ценности, субъекты и методы»).

На конференции с интересными докладами выступили также и ряд других участников конференции. Практически почти после каждого выступления развертывалась интересная дискуссия.

По итогам выступлений можно сделать общий вывод: современной России жизненно необходим новый конституционный консенсус, который бы не только повысил легитимацию важнейших государственных институтов, но и способствовал активному становлению гражданского общества.

По договоренности с М.А. Красновым, заведующим кафедрой конституционного и муниципального права Высшей школы экономики, публикуем сокращенный текст его выступления «Личностный фактор в российской системе власти».

Михаил КРАСНОВ

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ

В докладе на международной конференции автор рассматривает роль личностного фактора в российской системе власти. In the report on the international conference the author considers the role of personality factor in the Russian power system.

Ключевые слова:

Конституция, Ельцин, личностный фактор; constitution, Eltsin, personality factor.

КРАСНОВ

*Михаил
Александрович —
д.ю.н., заведующий
кафедрой
конституционного
и муниципального
права Высшей школы
экономики*

Литература и искусство соцреализма, т.е. направления, которые представляли человека и социальные явления в схематичном, «плакатном» виде, сформировали две ментальные особенности, ставшие свойственными нашему обществу. Во-первых, восприятие человека «в черно-белом изображении». Это особенно проявляется в политических дискуссиях, интернетовских комментариях и т.п., когда тот или иной персонаж предстает или исчадием ада, или чуть ли не святым. И, во-вторых, это отказ человеку в праве на индивидуальную эволюцию, переосмысление собствен-

ных идейных позиций: если кто-то изменил свою позицию, обычно ищут прагматические интересы или обвиняют в лицемерии. Между тем, еще, например, Лев Шестов говорил о Достоевском: «От прошлых убеждений Достоевского, от того, во что он веровал в молодости, когда впервые вошел в кружок Белинского, не осталось ни следа. Обыкновенно люди считают поверженных кумиров все же богами и оставленные храмы — храмами. Достоевский же не то что сжег — он втоптал в грязь все, чему когда-то поклонялся. Свою прежнюю веру он уже не только ненавидел — он презирал ее».

Вот и оценка первого президента России Б.Н. Ельцина дается в таком же черно-белом и застывшем виде. Стало уже чуть ли не аксиоматическим высказывание: «Ельцин создал Конституцию под себя». Но это являет собой глубинную ошибку. Да, действующая Конституция содержит дисбаланс властных прерогатив в пользу президента. А точнее, властные прерогативы президента в ней не имеют практически никаких сдержек. И это создает, так сказать, провокацию персоналистских ожиданий. Но почему?

Потому что Ельцин хотел безраздельно царствовать? Если бы это было так, уверяю, Конституция выглядела бы совершенно иначе. Она скорее всего закрепляла бы не полупрезидентскую, а президентскую форму правления, но с гораздо более слабым, чем в США, парламентом. Или в полупрезидентской форме была бы еще больше персоналистской, чем сегодня. Да и вряд ли Конституция содержала бы вообще ограничение, касающееся того, сколько раз можно замещать президентскую должность.

Ответ кроется в том, что Конституция создавалась по лассалевской модели (напомню, что Ф. Лассаль определял конституцию как фактическое соотношение сил), а не по модели Руссо (как общественный договор). Чего добивался первый президент? Того, чтобы не мешали ему проводить реформы. Я не оцениваю сами реформы. Я пытаюсь реконструировать мотивацию. Кто ему мешал? С чисто конституционно-правовой точки зрения — Съезд народных депутатов. И при этом конституционная конструкция, которая начала создаваться с 1991 г., не содержала легальных возможностей для выхода из

тупиков. Президент не мог распустить парламент, а парламент не имел возможности повлиять на президента (только отрешить его от должности, причем по очень широкому основаниям, что съезд и пытался сделать). При этом сохранялся советский принцип полновластия, противоречащий закреплению в той же Конституции принципу разделения властей: съезд мог принять к рассмотрению любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации. Это, кстати, лишней раз говорит об опасности у нас возрождения конструкции чистой президентской республики, которая требует высокой политической культуры, понимания всеми игроками ценностей конституционализма, договороспособности.

И вот — октябрь–ноябрь 1993 г. Чем руководствуется президент, который фактически остался без оппонентов? Минимизацией помех для проведения реформ. Поэтому появляются такие монструозные формулы, как определение основных направлений политики, полный президентский контроль за правительством, ликвидация возможности Государственной Думы влиять на правительственный курс, лишение Думы всех контрольных рычагов по отношению к исполнительной власти (нет даже упоминания о депутатских запросах, и когда этот институт появился в законе о статусе депутата, президент не хотел его подписывать). Так что не под Ельцина составлялся проект. Он составлялся, исходя из презумпции президента-реформатора.

И на первых порах такой подход оправдывал себя. Ситуация стабилизировалась. Не случайно Борис Николаевич гордился Конституцией 1993 г. и пресекал всякие разговоры о поправках к ней. Признаюсь, я долгое время тоже не придавал значения конституционному дисбалансу. «Политическое» во мне заглохло «юридическое». Как бы опомнился я только в 1998 г., когда для меня самого неожиданно был отправлен в отставку В.С. Черномырдин. С тех пор я занялся более глубоким анализом Конституции, тем более что в мае 1998 г. подал заявление об увольнении и освободился от массы рутинных вопросов, связанных с должностью помощника президента.

Когда я критикую конституционную конструкцию власти, вовсе не считаю,

что предаю память Ельцина. Я понимаю конкретно-историческую обусловленность такой конструкции. Но понимаю и ее среднесрочную пагубность. Если бы у меня была возможность и если бы от этого что-то зависело, я убежден, что смог бы доказать это Борису Николаевичу.

Так вот — о личном факторе. Даже оппоненты Б.Н. Ельцина признают, что его режим был гораздо более, не знаю, свободнее что ли. Есть, между прочим, и объективные свидетельства тому. Например, все принципиально важные дела, значимые с точки зрения «обживания Конституции», — вопросы разделения властей, федерализма, компетенции президента, палат парламента и т.п. — были рассмотрены Конституционным судом именно в эпоху Ельцина, в те самые «лихие 90-е». Да, это было время, безусловно, тяжелое для большинства, время функционально слабого государства (а такой период неизбежен после всякой революции). Но именно в это время и было хотя бы некоторое подобие политики, которая возможна только

в условиях свободы политического оппонирования. Именно в это время высекались искры, в т.ч. из столкновений разных публично-властных институтов, и эти искры гасились правовым способом. Я не воспеваю 90-е, мне просто не нравятся политические спекуляции. Так вот, если сравнивать дела, рассмотренные Конституционным судом, то в нулевых годах рассмотрено, по сути, единственное принципиальное дело — о ликвидации выборности губернаторов, да и то не по запросу органов власти, а по жалобе граждан.

Вместе с тем и во времена Ельцина режим был персоналистским. И палаты Федерального Собрания, и регионы могли лишь фрондировать, но основные вопросы и тогда зависели от президента. Только его курс и мог проводиться.

С приходом нового президента принципиально ничего не изменилось — в том смысле, что Путин не поменял саму систему власти. Но в этом и парадокс: не меняя систему власти, новый президент радикально изменил отношение к себе.